

ского цитирования памятного стихотворения Фета, в данном случае более чем оправданного. Однако в завершение рецензии хотелось бы обратить внимание и на всю книжную серию «Нового издательства», в которой вышла без преувеличения замечательная работа Осовата и Лейбова, — серию компактных, но чрезвычайно насыщенных и профессиональных филологических исследований, в том числе комментаторского типа. В ее рамках увидели свет комментарии В. В. Зельченко к стихотворению В. Ф. Ходасевича «Обезьяна» (М., 2019), увлекательные очерки А. А. Долинина

об истории идеологических и культурных клише «„Гибель Запада“ и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул» (М., 2020), мандельштамоведческие разыскания Г. А. Морева «Осип Мандельштам. Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)» (М., 2022). Все эти работы, демонстрирующие неисчерпанность и продуктивность комментаторской парадигмы, читаются — в силу разных обстоятельств — как остро актуальные, поддерживая более чем необходимую сейчас культурную и политическую (само)рефлексию.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-271-273

© М. В. Отрадин

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ А. А. ФЕТА*

Книга профессора МГУ М. С. Макеева «Афанасий Фет» издана в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», которая, как известно, ориентирована не столько на узкопрофессиональную, сколько на широкую культурную аудиторию. Однако по ряду признаков есть основания не относить новую фетовскую биографию к категории научно-популярных изданий. Дело не только в том, что здесь даны 664 ссылки на источники, но прежде всего в уровне затронутых проблем. Автор осмысляет накопленные фетоведом за последние десятилетия научные знания. Особенно значимыми в этом ряду оказываются публикации переписки Фета с некоторыми современниками (Н. Н. Страховым, В. П. Боткиным, Я. П. Полонским, великим князем Константином Константиновичем (К. Р.), С. А. Толстой), вошедшие в 103-й том «Литературного наследия» («А. А. Фет и его литературное окружение»). В целом же книга рассчитана на подготовленного читателя. Порой даже достаточно искушенного. Например, чтобы уяснить, чем объясняется фетовское неприятие «гегелевских абстракций» или каково было воздействие на поэта идей Шеллинга.

В поле зрения исследователя оказывается все многообразие творчества Фета: лирика, проза, переводы, литературная критика, публицистика, мемуары. Трудность, с которой столкнулся биограф, очевидна: все-таки еще недостаточная изученность литературного наследия Фета и его личной жизни как смысла и содержания особой сферы деятельности. Биография писателя неизбежно оказывается и повествованием о внешних фактах его существо-

вания, и рассказом о том, каким был путь души, и, в той или иной степени, высказыванием о его творчестве. То, что жизнь Фета окружена множеством легенд, было осознано литературоведами давно. Полвека назад В. В. Кожин утверждал, что «многие легенды о Фете ныне развеяны или подорваны».¹ Эти «легенды» (сейчас чаще пишут о «мифах») оказались довольно стойкими, и автор биографии это учитывает.

Я. П. Полонский однажды заметил Фету: «По твоим стихам невозможно написать твоей биографии».² Хорошо знавший поэта с молодых лет Ап. Григорьев назвал его жизнь «положительно-мечтательной».³ Об антитезе «поэт Фет — фермер Шеншин» было много сказано еще современниками. Уже в XX веке Ю. И. Айхенвальд сформулировал как бы давно доказанное: «Писатель как человек и писатель как художник — это разные личности <...> Что прибавляет к Фету Шеншин <...> Биография ничего не разъясняет...»⁴ Подтверждение своей раздвоенности дает как бы и сам Фет. В письме В. П. Боткину (1861) он сообщает о своих хозяйственных заботах: «Я люблю, и очень люблю природу, но мне теперь, в настоящее время она пугало <...> Я или жду, или боюсь дождя».⁵ Дождь в этом случае — подробность не только хозяйственной, но и творческой жизни. «Фет, — читаем в биографии, — не писал лирики три года» (с. 257). Но к нему

¹ Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978. С. 177.

² Лит. наследство. 2008. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 869.

³ Григорьев А. Письма. М., 1999. С. 398.

⁴ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 23.

⁵ Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 304.

* Макеев М. С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).

приходит вдохновение другого рода: он с увлечением создает цикл очерков под названием «Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде». И далее Макеев повествует о том, как упорное и успешное фермерство позволило Фету возвратиться в литературу, которая не является профессией для человека, «не зависящего от гонораров» (с. 329). Читатель понимает, что антитеза «поэт — фермер» может иметь другой ракурс, другую глубину и смысл.

Год, проведенный Фетом в Московском университете, начало 1840-х годов — особое время в истории страны, когда, по словам М. О. Гершензона, «начался великий ледоход русской мысли».⁶ Сформировался и утвердился особый тип людей, которых позже назовут «людьми 40-х годов». Их отличительной чертой было, по словам В. В. Зеньковского, «теургическое беспокойство» — «чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории».⁷ Это была вера в то, что существует исторический прогресс и что они в этом движении жизни не посторонние наблюдатели. Но, как показывает Макеев, «те процессы, которые происходили в русской культуре, те идеалы, которые провозглашались передовыми современниками, были ему чужды» (с. 70): Фет не верил в «поступательный прогресс».

По наблюдению П. В. Анненкова, людьми «замечательного десятилетия» искусство воспринималось как «тропинка к некоторого рода общественному делу».⁸ Это было абсолютно чуждо Фету. «До конца жизни, — пишет его биограф, — Фет будет утверждать, что не только творческий дар, но и способность видеть красоту и наслаждаться ею — качество врожденное, доступное только избранным» (с. 78). Рассказ Макеева о молодости Фета свидетельствует, что нет оснований видеть в нем «человека 40-х годов». У него были другие ориентиры в жизни и в искусстве. Эти страницы книги выводят, как кажется, к закономерному вопросу: Фет в данном случае — экзотический пример, обусловленный исключительными обстоятельствами его биографии? Или в его позиции проявилась какая-то, пока еще не проясненная, закономерность жизни людей России тех лет?

В книге представлен ряд сопоставительных характеристик истории отношений Фета с некоторыми современниками: Тургеневым, Л. Н. Толстым, Страховым, В. С. Соловьевым, Полонским. Особенно можно выделить две первые. Они остаются в памяти читателя как своеобразные интеллектуально-психологические новеллы, со своими кульминациями и резкими, почти драматическими финалами. А кроме того, высвечивают новые, неожиданные

страницы истории литературной жизни XIX века.

Как показывает Макеев, многолетняя дружба с Львом Толстым имела широкое обоснование: «сходство темпераментов, изолированное положение в литературе и свойственное обоим своеобразие, упрямство, нежелание следовать литературной и идейной моде, готовность бросить писание и заняться чем-то другим» (с. 343). Фету случилось творить и публиковать свои стихи в годы абсолютного доминирования в русской литературе прозы, прежде всего романа. Издание его стихотворений 1863 года было встречено беспощадными, порой издевательскими откликами (В. А. Зайцев, Д. И. Писарев, Д. Д. Минаев). Борьба радикальной критики с поэтом продолжалась и позже, поэтому Страхов писал о «гонении» на Фета. Исследователь наглядно демонстрирует, как радикальная критика упорно отучала читателя от фетовской поэзии. Но именно в 1860–1870-е годы она оказалась близка и нужна русской прозе, в том числе Льву Толстому, о чем написал Б. М. Эйхенбаум в книге «Лев Толстой. Семидесятые годы».

Самый ходовой сюжет в работах, посвященных Фету, может быть обозначен именем Марии Лазич. В житейском плане он рассмотрен в книге достаточно подробно. Но Макеева привлекла в первую очередь возможность проследить, как позже трагическая коллизия развернулась в несобранном фетовском цикле. В частности, мотив воспоминания позволяет воспринимать героиню вне всякой житейской конкретности, в некоем вневременном контексте. Работа над переводом книги Шопенгауэра по-новому осветила этот лирический сюжет: «мотивы учения немецкого философа переплелись с воспоминаниями о Марии Лазич» (с. 281). «Пребывающая в вечности» героиня обладает «неизменными атрибутами», по которым ее можно узнать в поэзии Фета разных периодов. Однако следует учесть и замечание исследователя о его поздних стихах, в которых присутствует узнаваемый женский образ: «возможно, это уже не она, а собирательный образ возлюбленной» (с. 384). Опыт чтения книги Макеева может помочь читателю справиться с такой непроясненностью фетовских строк.

О «непонятности» стихов Фета не раз говорили некоторые современники, высоко ценившие его творчество: И. С. Тургенев, В. П. Боткин, А. А. Григорьев, А. В. Дружинин. С этой же проблемой столкнулись почитатели Фета и в XX веке. Н. Н. Асеев рассказывает о своем споре с В. Я. Брюсовым: «Два поэта, „привыкшие понимать стих с полуслова“, не сошлись в толковании строк „Опять серебряные змеи / Через сугробы поползли“ («Какая грусть! Конец аллеи...»). Асеев делает вывод, который как бы снимает проблему: «Фет как раз и рассчитывает на многообразие их восприятия».⁹ Так вот, автор биографии поэта дает характери-

⁶ Гершензон М. Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2: Молодая Россия. С. 10.

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии. Paris, 1989. Т. 1. С. 245.

⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 332.

⁹ Асеев Н. Работа над стихом. Л., 1929. С. 71–72.

стики стихотворений, которые можно назвать краткими интерпретациями. Мера определенной субъективности в этих интерпретациях присутствует, но без подобных аналитических усилий его труд многое потерял бы.

Выделим в книге Макеева страницы, посвященные поэме Фету — прежде всего автору четырех выпусков «Вечерних огней». Здесь он «предстает как поэт в большой степени философский» (с. 376). Конечно, биограф не мог не затронуть тему «Фет и Шопенгауэр». Интерес поэта к немецкому философу Макеев связывает с естественной потребностью всякого творца «в ответах на последние вопросы человеческого существования» (с. 277). Напряженные раз-

мышления исследователя завершаются ответственным и внятным выводом: «практическая сторона учения немецкого мыслителя никак не затронула Фета», но оно «оказалось близко поэзии» (с. 281), и в частности, выразилось в творческих усилиях позднего Фета взглянуть «из времени в вечность».

В свое время В. В. Розанов написал о Фете: «Все люди *настоящего чтения* понимали цену его поэзии».¹⁰ Биография поэта, написанная Макеевым, думается, соответствует ожиданиям таких читателей.

¹⁰ Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 617.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-273-274

© О. Р. Демидова

ЕЩЕ РАЗ О «ЗАБЫТЫХ» АВТОРАХ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Е. ЛЁВБЕРГ*

В книге, подготовленной В. Б. Зусевой-Озкан, впервые во всем его многообразии представлено творчество поэтессы, драматурга, прозаика и переводчицы Марии Евгеньевны Лёвберг (1892–1934), вошедшей в историю отечественной литературы не в роли самостоятельного и весьма незаурядного литератора, а в «отраженных» ролях подруги Н. С. Гумилева и корреспондентки М. Горького, а также автора пьесы «Дантон», высоко оцененной А. А. Блоком. Рецензируемое издание позволяет пересмотреть сложившееся представление о Лёвберг и по-новому оценить ее творческое наследие: в состав тома вошли почти все обнаруженные в библиотечных и архивных собраниях художественные произведения писательницы. Исключение составили поздние «революционные повести», которые, во-первых, легко доступны, во-вторых, по мнению составителя, «являясь плодом компромисса, в меньшей степени выражают ее творческую индивидуальность, нежели более ранние тексты» (с. 122). Кроме того, за пределами книги остались написанные Лёвберг главы «Истории Красного Путиловца» — известного проекта М. Горького, в котором поэтесса принимала активное участие, критические статьи, вступления к переводным изданиям, переводы и письма. Следует отметить, что большая часть отобранного для книги никогда не публиковалась и подготовлена к печати по архивным материалам.

* Лёвберг М. Е. «Любовью и мечтой играя...»: Лирика. Театр. Проза / Сост., вступ. статья, комм. В. Б. Зусева-Озкан. М.: Водолей, 2022. 580 с., ил.

Собственно художественная часть тома состоит из трех разделов, соответствующих основным направлениям творческой деятельности Лёвберг. В первый раздел «Лирика» вошли ее единственный поэтический сборник «Лукавый странник» (1915) и не собранные в книги стихи 1908–1928 годов. Во втором разделе «Театр» объединены семь пьес Лёвберг, созданных в 1915–1928 годах: «Камни смерти», «Победитель», «Шпага кавалера», «Дантон», «Жанна Д'Арк», «Актер», «Монтана». Из них были напечатаны только две — «Камни смерти» (1915) и «Шпага кавалера» (1916); пьеса «Дантон» не публиковалась, хотя и была благодаря усилиям Блока поставлена в петроградском Большом драматическом театре в 1919 году; остальные не были известны широкой публике и сохранились лишь в архивах. В третьем, самом кратком разделе «Проза» представлена новелла 1921 года «Бальгазар Пуль» (1922).

Прежде всего несомненна историкокультурная ценность книги: в научный и культурный оборот вводится большое количество новых текстов несправедливо забытого автора. Однако не менее значима и исследовательская составляющая издания: во вступительной статье объемом без малого сто тридцать страниц в мельчайших деталях реконструирована биография Лёвберг и подробно проанализированы все вошедшие в том произведения. Предваряя тексты, статья предлагает необходимый фон для знакомства с ними, образуя своего рода хронологическую и эстетическую канву для их восприятия как в рамках основных художественных исканий эпохи, так и в контексте жизненных обстоятельств и творческой эволюции автора.